

Историческая информатика

Правильная ссылка на статью:

Юнусова А.Б. От Урала до Фудзи: геохроника странствий ишана Курбангали // Историческая информатика. 2025. № 1. DOI: 10.7256/2585-7797.2025.1.73975 EDN: TZLIRQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73975

От Урала до Фудзи: геохроника странствий ишана Курбангали

Юнусова Айслу Билаловна

ORCID: 0000-0002-7210-5771

доктор исторических наук

главный научный сотрудник; Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева; Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук

450076, Россия, республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Карла Маркса, д. 6

✉ aislu557@gmail.com

[Статья из рубрики "Геоинформационные системы и 3D-реконструкции"](#)

DOI:

10.7256/2585-7797.2025.1.73975

EDN:

TZLIRQ

Дата направления статьи в редакцию:

04-04-2025

Дата публикации:

11-04-2025

Аннотация: Предметом исследования является участие российских мусульман в Белом движении и их эмиграция в страны Дальнего Востока на примере одного из деятелей мусульманского и башкирского национального движения Мухамед-Габдулхая Курбангалиева (ишана Курбангали). Цель исследования – реконструировать биографию ишана с применением методов исторической информатики. В качестве источников использованы материалы следственных дел Курбангалиева из Центрального архива ФСБ и Национального архива Республики Башкортостан. Оцифрованные архивные материалы преобразованы в базу данных, которая отражает ключевые события и периоды его активности в 1917–1956 гг., связанные с участием в военных действиях в Сибири, эмиграцией в Японию, а также с поездками на Дальнем Востоке в интересах японских

военно-политических кругов. Для визуализации пространственной мобильности Курбангалиева осуществлено картографирование геоданных с использованием сервисов Google Map. Биография Курбангалиева рассматривается в рамках методологии «трансграничных биографий» и отказа от бинарностей («свой/чужой») в пользу гибридности (С. Конрад). Создана многослойная база геоданных, которая сочетает пространственные и атрибутивные характеристики, включает наряду с описанием событий 204 локации и 507 персоналий. Выстроена геохроника жизни Курбангалиева. Полученный электронный ресурс может быть отнесен к историческим картам персоналий. Анализ геоданных выделил основные центры активности Курбангалиева – Забайкалье, Маньчжурия, Япония. Анализ контактов Курбангалиева в Токио выявил ядро сети из 12 персон: имамы, офицеры Генштаба, представители правящих кругов Японии и Османской династии. В отличие традиционного в публикациях образа «башкирского имама в Японии», в данной работе Курбангалиев представлен в контексте множественности пересекающихся идентичностей – религиозной, национальной, политической. Доказано, что его деятельность в Японии (создание мечети, издание журнала, связи с японскими политиками) способствовала институционализации ислама в регионе, активизировала обсуждение мусульманами Японии Закона о религиозных обществах (принят 8 апреля 1939 г.). Анализ архивных материалов с помощью методов исторической информатики, картографирования и методологии «трансграничных биографий» позволил не только восстановить биографию Курбангалиева, но и вписать ее в более широкий контекст транснациональных процессов XX века.

Ключевые слова:

база геоданных, картографирование, Мухамед-Габдулхай Курбангалиев, Белое движение, эмиграция, Япония, ислам, Россия, Маньчжурия, Сибирь

Статья подготовлена в рамках государственного задания ИЭИ УФИЦ РАН № 1022040500568-3-6.5.1 на 2025 год.

Введение. Мухамед-Габдулхай Курбангалиев (1889–1972), известный как ишан Курбангали, – фигура, чья жизнь охватывает широкий спектр исторических событий первой половины XX века, такие как: башкирское национальное движение, гражданская война в Сибири, жизнь тюрко-мусульманских эмигрантов в Японии, Квантунская операция Советской армии. Аргаяшский башкир Мухамед-Габдулхай Курбангалиев – представитель древнего ишанского рода Курбангалиевых [\[1, с. 75–81\]](#), был религиозным деятелем, белогвардейцем, основателем мусульманской общины и мечети в Токио, геополитическим мыслителем, заключенным Владимирской тюрьмы и, в конечном итоге, остался в памяти земляков как вернувшийся в родные края «япон мулла».

Данная работа является продолжением исследований неординарной судьбы Курбангалиева и башкир-белогвардейцев, оказавшихся в Японии [1–4]. Накопленный материал требует применения новых подходов и методов для освещения истории мусульманской эмиграции на Дальнем Востоке. Цель исследования – реконструировать и визуализировать биографию Курбангалиева с использованием методов исторической информатики и геоинформационных технологий, опираясь на архивные материалы. В отличие от традиционного клише «башкирский имам в Японии», данное исследование рассматривает Курбангалиева через призму методологии «трансграничных биографий» и «глобальной истории» С. Конрада, которая предлагает анализировать биографии как сети пересекающихся идентичностей (религиозная, политическая, культурная), как

процесс постоянного переосмысления себя в меняющихся обстоятельствах [5, 6]. Одним из ключевых принципов подхода С. Конрада является отказ от бинарностей («свой/чужой») в пользу гибридности. Другим принципом является анализ «пространств взаимодействия». Пространство в глобальной истории – это не фиксированные границы, а зоны взаимодействия, в нашем случае это Дальний Восток, а именно – Забайкалье (Россия), Маньчжурия (Китай), Токио (Япония), те регионы, которые формировали у Курбангалиева его стратегии выживания. Предлагаемый в данном исследовании историко-географический подход (геохроника и сформированная на основе архивного дела база геоданных) дополняет к методам С. Конрада точность в отслеживании перемещений и контактов.

Историко-географический взгляд на события отражен в названии статьи, анализ геоданных уточняет пространственные аспекты жизни и деятельности Курбангалиева. Вместе с тем название статьи «От Урала до Фудзи» связано не только с географией перемещений Курбангалиева. В этнополитическом контексте оно отражает взгляды ишана на роль ислама в объединении мусульман Урала, Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. Еще в 1924 г. в японском издании «Манмоу» (Маньчжурия и Монголия) вышла серия публикаций Курбангалиева: «Индо-европейские народы» (Манмоу, № 49, август 1924 г.), «Урало-алтайские народы в Азиатской России», «Панславизм и урало-алтайские народы» («Манмоу», № 50, сентябрь 1924 г.). В них он обосновывал культурную общность народов Дальнего Востока, Южной Сибири, Центральной Азии и Урала. В 1934 г. в журнале «Япон мухбири» (Японский вестник), который Курбангалиев редактировал и печатал на тюрки в созданной им типографии с арабским шрифтом, вышла его статья «Урало-алтайские народы» о возрождении урало-алтайских народов в едином геополитическом пространстве под протекторатом Японии [7]. Критикуя идею тюрко-мусульманского лидера Гаяза Исхаки о создании государства Идель-Урал, Курбангалиев обосновывал невозможность существования самостоятельного тюрко-мусульманского государства между Волгой и Уралом, и с запада, и с востока соседствующего с разделенной на две части Россией. Но все смогло бы выглядеть иначе, – считал он, – если такое государство будет расширено за счет отторгнутой от СССР Средней Азии и находящегося под властью Китая Синьцзяна. Более того, это территориально значительное мусульманское политическое образование могло бы быть создано при поддержке Японии, Маньчжоу-Го, а также правительств исламского мира. М.-Г. Курбангалиев выступал транслятором внешнеполитических амбиций Японии, стремившейся к объединению под японским протекторатом мусульманских государств в Центральной (в том числе и в китайском Синьцзяне) и Юго-Восточной Азии. Так и не состоявшиеся и политически несостоятельные проекты Гаяза Исхаки и Мухамед-Габдулхая Курбангалиева время от времени муссируются, находя сторонников среди радикальных националистов, исламистов, туранистов, что усиливает актуальность темы исследования.

В статье поставлены задачи: а) отметить на карте геолокации с привязкой к датам, событиям и участникам событий, б) при картографировании создать слои карты в соответствии с этапами географических перемещений М.-Г. Курбангалиева. Картографирование позволяет не только реконструировать и визуализировать биографию Курбангалиева, но и показать масштаб его деятельности в контексте Белого движения, эмиграции российских мусульман и истории ислама на Дальнем Востоке.

Материалы и методы. Основу исследования составили «Материалы следственного дела № 1741 по обвинению Курбангали Мухамед-Габдулхая, 1889 года рождения, уроженца д. Медьяк Челябинского уезда Оренбургской губернии, башкира, сына муллы, имеющего

высшее духовное магометанское образование, проживающего в городе Дайрене (Маньчжурия)» из Центрального архива ФСБ [\[8\]](#). Трёхтомное дело включает рукописные материалы за 1946–1992 гг., в их числе 28 протоколов допросов, 10 стенограмм показаний, постановления о продлении сроков ведения следствия, протокол окончания следствия, акт медицинского освидетельствования М.-Г.Курбангалиева, обвинительное заключение, выписки с решениями особого совещания при МГБ, сопроводительные документы, справка о реабилитации – всего 520 листов рукописного текста.

Были привлечены материалы Национального архива Республики Башкортостан. В фонде Уфимского губернского революционного трибунала (Р-322) находится «Дело по обвинению граждан Курбангалеева Абдулваля и Курбангалеева Габидулы в контрреволюции против Советской власти» за 20 сентября – 9 ноября 1919 г. на 320 листах – это изъятые во время ареста документы семьи Курбангалиевых, следственное дело, кассационное дело, приговор, акт о приведении приговора в исполнение и другие материалы. В фонде НКВД БАССР (Р-1252) находится дело «Приговор РВС Республики к делу Курбангалеевых» за 7–13 декабря 1919 г. на 4 листах. В фонде Уполномоченного Совета по делам религий при Совете министров СССР по БАССР (Р-4732) есть материал о посещении Мухамед-Габдулхаем Курбангалиевым уполномоченного М.Ш. Каримова в августе 1956 г., после его возвращения из Владимирской тюрьмы.

Для верификации использованы опубликованные сборники документов по истории национальных движений в Сибири [\[9\]](#), башкирского национального движения [\[10\]](#), ислама на Южном Урале [\[11\]](#), мемуары и другие публикации.

В исследовании применены методы исторической информатики, которая, как подчеркивает основатель научной школы исторической информатики Л.И. Бородкин, «является частью исторической науки!» [\[12, с. 39\]](#). Данный тезис с восклицательным знаком для нас принципиально важен, поскольку он определяет приоритет истории в тематике, направлении, структуре и содержании исследований, проводимых с применением методов исторической информатики.

В ходе работы с архивными материалами следственного дела первоначально была проведена оцифровка рукописных записей, затем материал был переведен в электронный текст в формате word, на основе которого по методике И.М.Гарсковой [\[13\]](#) была построена база данных в Excel и Access с геометками и другими атрибутами. Структура таблицы простая: название геолокации, геоданные (широта, долгота), дата, событие, участники, источники. Далее были использованы инструменты геохронологического трекинга, реализованные через сервисы «Google Карты» и «Google Планета Земля», что позволило создать интерактивную карту маршрутов Курбангалиева.

Технология создания геохронологического трека подробно описана в работах Я.А. Ивакина и С.Н. Потапычева [\[14\]](#), которые рассматривают геохронологический трекинг как ряд последовательных событий в жизни индивида с привязкой ко времени и месту появления этих событий. В работе мы руководствовались основным тезисом Я.А.Ивакина «Под геохронологическим трекингом понимается процесс накопления и интеграции данных о пространственных перемещениях изучаемых персоналий, зафиксированных в исторических источниках в течение рассматриваемого периода времени с представлением результатов в виде обобщающего графа в ГИС» [\[15\]](#), взяв место рождения М.-Г. Курбангалиева за начальную точку, от которой началось движение. Обращая внимание на дефицит специализированного ГИС-инструментария для исторических, этнографических и в целом гуманитарных исследований, Я.А. Ивакин

рассматривает геохронологический трекинг в качестве примера научно-методического и программно-технологического инструментария для сетевого анализа биографических данных. [16, с. 132]. Технология применения методов ГИС в просопографических исследованиях представлена также А.А. Фроловым и А.В.Захаровым – на основе архивных материалов сенатского смотра шляхетства в 1721–1723 гг. ими была создана база геоданных и с помощью геохронологического трекинга рассмотрена пространственная мобильность около 400 представителей шляхетства Петровской эпохи [17].

Картографирование стало популярным инструментом биографических и персоно-ориентированных исследований. Опубликованы работы, представляющие опыт картографирования маршрута экспедиций П. С. Палласа и И. И. Лепёхина в Среднем Поволжье в 1768–1769 гг. [18], путешествий Л. Н. Толстого [19]. Продолжая тему картографирования биографий или отдельных событий из жизни изучаемых личностей, обратимся к работе О.Г. Николаев и А.Б. Валишина, которые предлагают термин «исторические карты персоналии» [20]. Авторы считают, что хотя этот термин не закрепился в словаре отечественных картографов, и подобные карты создавались в основном как приложение к школьным учебникам истории, тем не менее, полагают они, есть условия для возвращения исторических карт-персоналий в арсенал современной тематической картографии. Соглашаясь с ними, можно добавить, что во всяком случае есть потребность в такого рода картах. Созданный при подготовки статьи электронный ресурс, который отображает как пространственные, так и атрибутивные характеристики перемещения ишана Курбангали, может быть отнесен к историческим картам-персоналиям.

Для реконструкции и демонстрации передвижений Курбангалиева были созданы 4 слоя карты, отражающие этапы его жизни: «1917–1919. В революционной России», «1919–1920. Сибирский поход. Забайкалье», «1921–1945. В эмиграции», «1945–1956. Возвращение на Родину». В статье последовательно описываются события с привязкой к геолокациям, отмеченным на слоях карты.

География перемещений Курбангалиева в 1917-1919 гг. Первый слой карты охватывает политические события, которые происходили на территории европейской части России с января 1917 по июнь 1919 года. (Рис. 1).

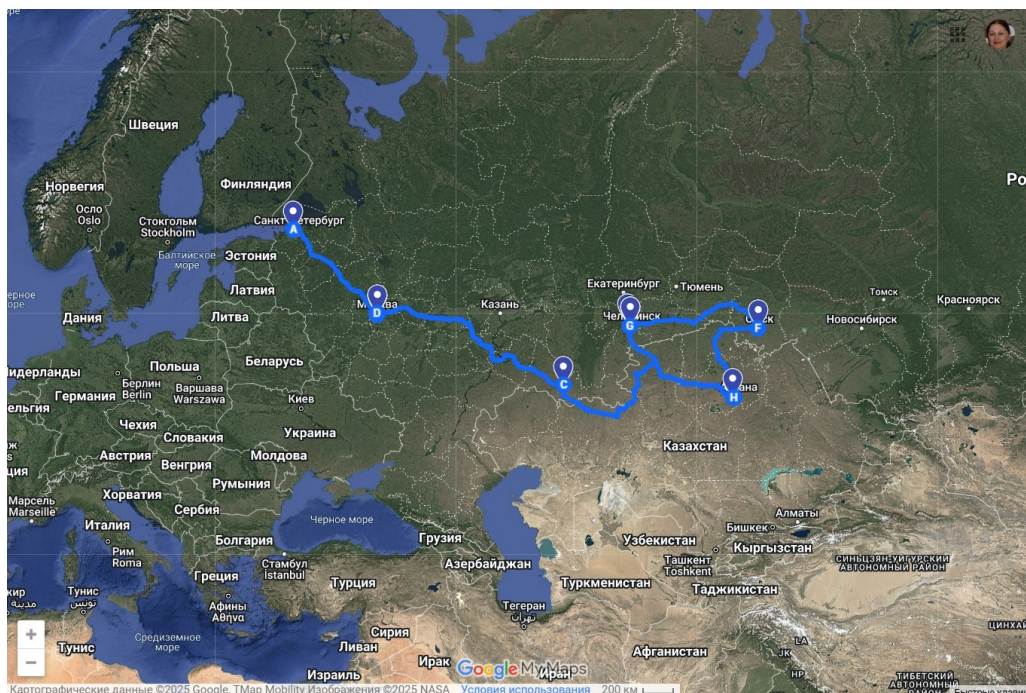

Рис. 1. Карта, слой «1917–1919. В революционной России»

Родина Курбангалиевых деревня Медьяк [Медиак] Челябинского уезда Оренбургской губернии – начальная геометка в нашей базе данных. Здесь, в Медьяке, в широко известном медресе своего отца Габидуллы Курбангалиева Мухамед-Габдулхай получил религиозное образование. Предприимчивый молодой имам был близок к российскому муфтию Сафе Баязитову. В январе 1917 года в качестве помощника сопровождал муфтия в поездке в Петроград, где Курбангалиева застали революционные события. «Февральскую революцию я встретил с воодушевлением!» – говорил Мухаммед-Габдулхай в 1945 году в своих показаниях во время следствия [\[21\]](#). С февраля 1917 до лета 1919 М.-Г. Курбангалиев принимал активное участие в политических событиях в Челябинском уезде, в Башкирии, в России (Рис. 1). В мае 1917 г. он был участником Всероссийского мусульманского съезда в Москве, в июле 1917 – делегатом на I Всебашкирском курултае в Оренбурге, в сентябре 1918 избран Председателем Комитета по распространению гражданства и свободы среди мусульман 5 волостей Челябинского уезда.

Курбангалиев был полностью на стороне Сибирского правительства Колчака. Ключевыми событиями этого этапа стали встречи с Верховным правителем. 4 декабря 1918 г. Курбангалиев как представитель башкир Челябинского уезда прибыл в Омск и побывал на приеме у Колчака, о чем сообщала газета «Сибирская речь» в номере от 6 декабря (Рис. 2) [\[22\]](#).

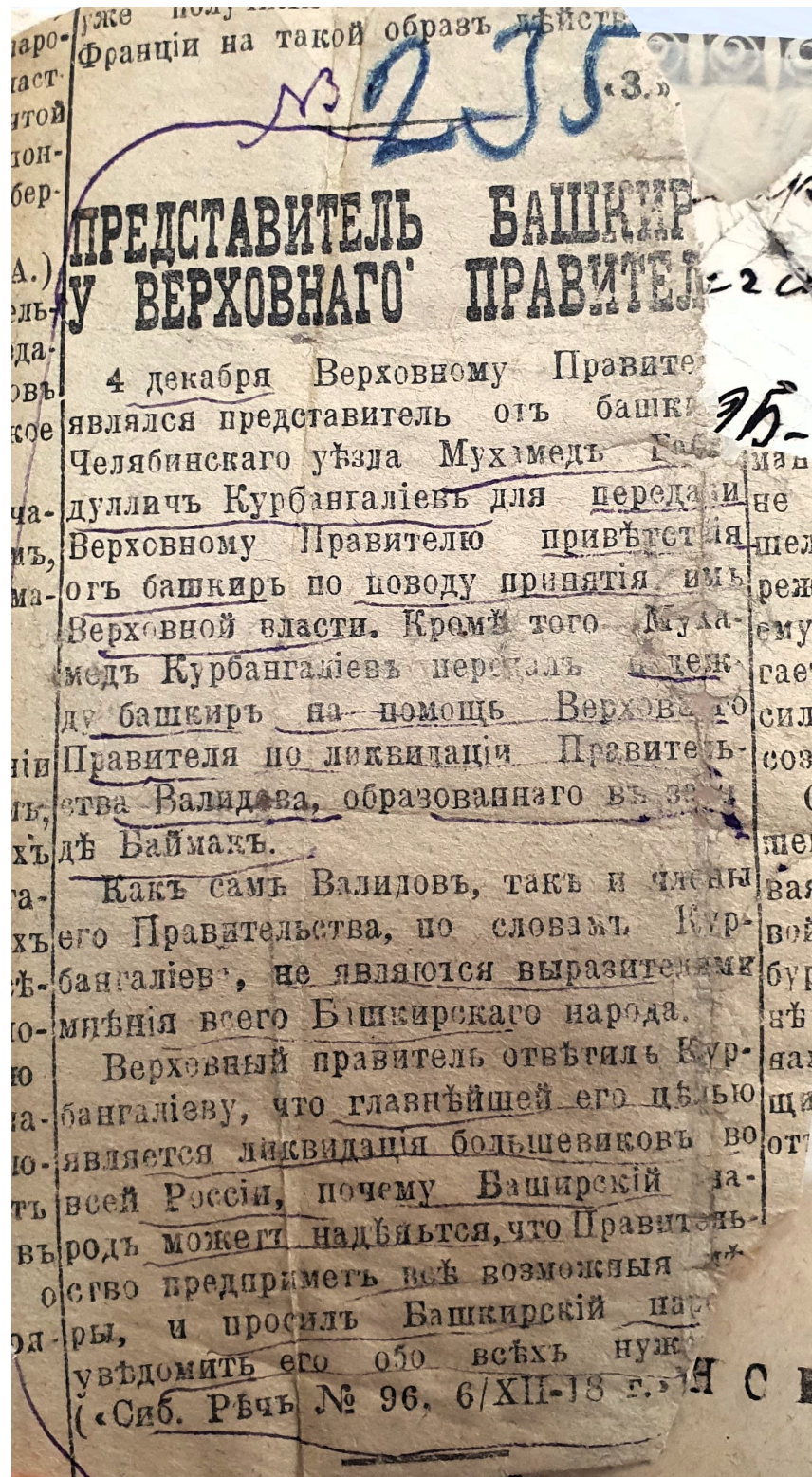

Рис. 2. Заметка в газете «Сибирская речь» от 6 декабря 1918 г.

В феврале 1919 г. был на торжественном приеме у Верховного Правителя Колчака в Челябинске. Адмирал произвел на Курбангалиева неизгладимое впечатление. Воодушевленный встречей, 25 февраля 1919 года Курбангалиев подписал воззвание к башкирскому народу, призывавшее к вооруженной борьбе против Советской власти, поддерживая идею «единой и неделимой России». В воззвании говорилось: Братья! Борьба с большевизмом, являющимся злостным врагом не только башкир, но и всех мусульман России, может быть успешна только в том случае, когда вся сила и все войско сосредоточится в одном центре. Да здравствует устанавливающая порядок, спокойствие, хранящая земли диктатура адмирала Колчака. [23].

В марте–апреле 1919 г. частями Белой армии были захвачены города Приуралья и Урала Уфа, Бирск, Бугульма, Ижевск, Воткинск. Однако, в результате контрнаступления красных в конце апреля–июне 1919 г. советские войска заняли Уфу, в июле – Кунгур, Пермь, Златоуст, Екатеринбург. В результате неудачной Челябинской операции части армии Колчака стали отходить в Сибирь. В июне 1919 г., после отступления армии Колчака и отхода за Урал, Курбангалиев покидает Челябинск и вывозит свою семью – мать, жену, двоих детей и младшего брата – в Акмолинск (ныне Астана). Сам затем отправляется в Петропавловск на встречу войскам Белой армии, где его брат Мухамед-Харун Курбангалиев командовал башкирской ротой в армии генерала Каппеля.

Второй этап геохроники «1919-1920. Сибирский поход. Забайкалье» (Рис. 3). Двигаясь на Восток в составе башкирского эскадрона Белой армии генерала Каппеля, которым командовал его брат, Мухамед-Габдулхай предпринимает попытки объединить разрозненные части башкир и татар в единое национальное войсковое подразделение. «Мы отходили в глубь Сибири – говорил на допросе один из руководителей общества «Идель-Урал» Ахмедша Гизатуллин – Весь период отступления Каппелевской армии до прихода в город Читу, Курбангали находился в составе башкирского эскадрона, следуя с его обозом» [\[24\]](#).

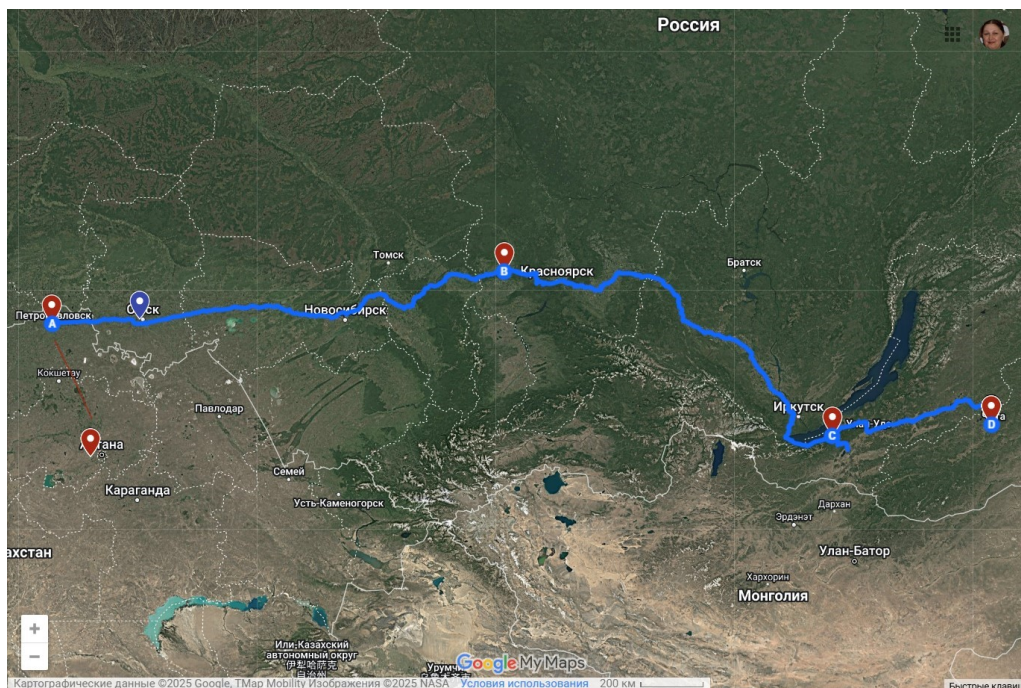

Рис. 3. Карта, слой «19219-1920. Сибирский поход. Забайкалье»

В декабре 1919 года в городе Ачинске состоялась встреча М.-Г. Курбангалиева с Главнокомандующим Восточным фронтом генерал-лейтенантом В.О. Каппелем, во время которой он обратился к генералу с просьбой о сведении башкир в одну дивизию. Каппель согласился с предложением братьев Курбангалиевых объединить башкир в единую дивизию для создания «более благоприятных условий национальной жизни башкир и предоставления им возможности отправлять мусульманские обряды» [\[25\]](#). Эта информация подтверждается в мемуарах соратника Курбангалиева поручика Галимьяна Тагана «Башкиры в Забайкалье» [\[26\]](#), который пишет: «Сами воины башкиры рассчитывали, что при их наличии (речь идет о М.-Г. Курбангалиеве и Галимьяне Тагане) будет легче им существовать и при их содействии они сумеют создать национальные части, облегчат удовлетворение своих национально-религиозных обрядов и тем смягчат результат горького перехода и тоску по родине. Некоторые меры были

приняты в этом направлении уполномоченным от башкир Курбангалиевым, который обратился с просьбой о сведении башкир в одну дивизию к генералу Каппелю в декабре в городе Ачинске. Славный генерал Каппель, будучи сторонником демократии и чуждый всякому антагонизму и угнетениям, обещал помочь в этом, но обстоятельства не позволили ему». Последующая 26 января 1920 г. смерть генерала отодвинула решение этого вопроса. Командование перешло к генерал-лейтенанту Г. М. Семенову, который 4 января 1920 г. получил от Колчака всю полноту власти «на территории Российской восточной окраины».

12 февраля 1920 г. на станции Мысовая Курбангалиев обратился к главнокомандующему Восточным фронтом генерал-лейтенанту С.Н. Войцеховскому с просьбой передать докладную записку на имя Семенова с предложением свести башкир в единое войсковое подразделение. Войцеховский увез записку с собой в Читу для доклада атаману Семенову. Галимьян Таган писал впоследствии: «Башкиры по дороге только и ждали присоединения к войскам атамана Семенова <...>. Некоторые начальники отрядов по дороге организовали у себя башкирские эскадроны, которые ехали под своими национальными флагами и с национальными песнями и, чувствуя себя в национальной своей семье, были гораздо лучше настроены, чем другие» [27, с. 118]. Григорий Семёнов одобрил идею Курбангалиева, рассчитывая на его содействие в переходе мусульман из остатков частей армии В.О. Каппеля и поддержку со стороны местных мусульман. «В обстановке гражданской войны однородные по племенному составу воинские части имели более крепкую внутреннюю спайку», – писал он позднее в мемуарах [28]. Баринев И.А., исследуя историю забайкальских мусульман в годы гражданской войны, отмечает, что политические позиции местного мусульманского населения существенно усилились после вступления в Забайкалье весной 1920 г. двух с половиной тысяч башкирских солдат, пришедших в регион вместе с остатками 3-й армии генерал-лейтенанта В.О. Каппеля [29].

Центром последующих событий весны–осени 1920 г. становится Забайкалье, где расквартировались части Белой армии, в том числе башкирские вместе с Курбангалиевым. 14 марта Курбангалиев был принят Семеновым в его доме в Чите. Во время беседы Курбангалиев рассказал о целях объединения башкирских солдат. «Со своей стороны атаман рассказал о своем стремлении устроить Россию федеративную, но на капиталистических правовых началах, и <...> выразил готовность, как главнокомандующий, пойти навстречу желаниям башкир и приступить к сведению воинов-башкир Каппелевской армии и так называемые семеновские части в особую боевую единицу» [30]. Кроме того, Семенов рассчитывал использовать Курбангалиева в своих контактах с находящимися в Забайкалье представителями японского командования, которые проявляли заметный интерес к башкирским офицерам и к Курбангалиеву.

8 апреля 1920 г. от тяжелого ранения, полученного в бою под Верхнеудинском во время второй Читинской операции Красной армии, скончался капитан Мухамед-Харун Курбангалиев. «На похороны моего брата в Чите – говорил на следствии Курбангалиев – в знак сочувствия ко мне как высокопоставленному лицу в магометанских религиозных кругах России японское командование прислало своих представителей» [31]. Это же подтверждал другой подследственный бывший поручик Ахмедша Гизатуллин, служивший в 1919–1920-х гг. в башкирской роте Каппелевской армии под командой Мухамед-Харуна Курбангалиева. «Мне довелось присутствовать на похоронах убитого брата Курбангали – сообщал он, – и тогда на похороны в знак соболезнования Курбангали прибыли личные

представители атамана Семенова и японский офицер как представитель японского командования» [\[32\]](#).

16 апреля Курбангалиев совместно с давним соратником поручиком Галимьяном Таганом выехал из Читы в Даурию по приглашению барона Унгерна с целью осмотреть его азиатскую дивизию.

19 апреля Курбангалиев и Таган выехали в Харбин. «Поездка в Харбин произошла по моей личной инициативе – говорил на следствии Курбангалиев. Я имел в виду побывать там только с тем, чтобы отвлечься от обстановки, в которой погиб мой брат. Однако я подтверждаю, что действительно имел поручение от атамана Семенова на время моего пребывания в Харбине. Задание от Семенова я получил в связи с тем, что обратился к нему за разрешением на выезд в Харбин. ... Семенов поручил мне исследовать политические настроения магометан, проживавших в Маньчжурии и определить возможность объединения для участия в Белом движении. Во время пребывания в Харбине я встретился с рядом влиятельных лиц из числа мусульман – выходцев из России» [\[33\]](#).

В мае-июне 1920 года Курбангалиев совершает кратковременные поездки, выступая в качестве «представителя башкир при главнокомандующем всеми вооруженными силами Российских Восточных Окраин», – 23 мая 1920 в Чите Семенов подписал соответствующий Приказ № 375: «Мухамет-Габдулхай Габидуллич Курбангалиев зачисляется состоять при мне, как избранный представитель от башкирского народа. Генерал-лейтенант атаман Семенов». 17 июня была объявлена Грамота атамана: «По преемственности Верховной Всероссийской власти на территории Российской Восточной Окраины от Верховного правителя адмирала А. В. Колчака и в согласии с постановлением совещания представителей башкир восьми уездов Башкирии (Приуральского района), состоявшегося 14–16 июня, я, Главнокомандующий всеми вооруженными силами и Походный атаман всех казачьих войск Российской Восточной Окраины, объявляю: 1. Башкир, находящихся на территории Российской Восточной Окраины полагать на основаниях, установленных для казаков, присвоив им права и обязанности применительно к таковым Оренбургского казачьего войска. 2. Войсковым органом башкир на правах войсковых правлений и войсковых штабов казачьих войск почитать Военное национальное управление башкир, которому разработать соответственно географическому, историческому и национальному положению Башкирии и представить мне на утверждение положение о Башкирском войске. 3. Окончательное разрешение вопроса о восстановлении за башкирами казачьих прав и разработку окончательного о них положения представить на усмотрение Всебашкирского съезда, который может быть созван по очищению 2/3 территории Башкурдистана. 4. Идя навстречу желаниям башкир Российской Восточной Окраины, я счел приемлемым взять на себя покровительство над ними, включив Башкирское войско в число казачьих и инородческих войск, возглавляемых мною как Походным атаманом и управляемых через штаб Походного атамана. Объявляя сию Грамоту, уверен, что права, казачеству присвоенные, будут твердой опорой для башкир, кои, сплотившись воедино, создадут крепкий духом и здоровый государственный оплот для дальнейшей борьбы за восстановление нашей общей родины России. Генерал-лейтенант атаман Семенов» [\[34\]](#).

К этому времени Курбангалиеву удалось завербовать в армию Семенова значительную часть каппелевцев татар и башкир. Летом 1920 г. в Забайкалье были расквартированы 2272 башкирских солдата [\[35, с. 79\]](#). 22 июня Семенов подписал Приказ № 457: «В согласии с выраженным в постановлении совещания башкир Российской Восточной

Окраины желанием башкир перейти к порядку несения ими военной службы применительно к казачьим войскам, а также принимая во внимание ходатайства уполномоченного от башкирского народа Приуральской области М. Г. Курбангалеева, приказываю: 1. Учредить военно-национальное управление башкир на основаниях, равных с войсковыми правительствами казачьих войск, с подчинением его штабу походного атамана. <...> Генерал-лейтенант атаман Семенов» [\[36\]](#).

Таким образом к середине лета 1920 г. Мухамед-Габдулхай Курбангалиев смог добиться поставленной цели – объединить башкир в едином военно-национальном формировании. Между тем ситуация в Забайкалье менялась. После соглашения между представителями японского командования и Дальневосточной республики, подписанного 17 июля 1920 г. на станции Гонгота, известного как Гонготское соглашение, началась эвакуация японских войск из Читы и Сретенска. Лишившись поддержки японских войск и готовясь к отступлению в Приморье, Семенов был вынужден искать варианты перехода в Приморье через Манчжурию. 1 июля 1920 г. Курбангалиев вместе с поручиком Таганом выехал в Харбин, где в течение 5 дней ознакомился с ситуацией в Манчжурии. «Как магометанский религиозный деятель, – сообщал он на следствии – будучи в Харбине, я должен был установить связь с представителями тюрко-татарских мусульман, проживавших в Манчжурии. Учитывая это, Семенов поручил мне изучить настроение магометан с точки зрения возможности привлечения для борьбы против Советской власти. <...> Во время пребывания в Харбине я встретился с рядом влиятельных лиц из числа мусульман – выходцев из России. <...> После возвращения в Читу я был принят Семеновым, будучи приглашенным на обед, и сообщил ему о настроениях среди магометан, проживавших в Манчжурии, то есть сказал ему, что они не имеют намерения участвовать в вооруженной борьбе против советской власти. Иначе говоря, я дал Семенову информацию в соответствии с действительностью» [\[37\]](#).

28 августа 1920 г., находясь уже в Даурии, Семенов издал Приказ 1-й сводной Маньчжурской атамана Семенова дивизии № 44: «<...> (§ 3) при 2-м Маньчжурском атамана Семенова стрелковом полку сформировать башкирскую мусульманскую роту, которую по мере поступления пополнения от башкирского Национального управления развертывать распоряжением командира полка в более крупные тактические единицы; (§ 4) всех башкир и мусульман, находящихся в частях дивизии, направить через штабы дивизий в формирующуюся Башкиро-Мусульманскую роту».

7 ноября члены Военно-национального управления башкир прибыли в Манчжурию. Здесь же 10 ноября Председатель управления М. Г. Курбангалиев издал Приказ № 28: «В связи с создавшимся положением приказываю: 1. Действие вверенного мне управления впредь до выяснения будущего положения временно прекратить». 14 ноября 1920 г., будучи на ст. Манчжурия, Курбангалиев приказом № 31 фактически распустил своих воинов, объявив: «<...> обращая главное внимание на международное положение, считаю целесообразным быть в выжидательном положении. Что касается передвижения воинов-башкир со ст. Манчжурия на восток, – ввиду фактического распада армии считаю частным делом каждого из них как свободных граждан».

Армия Семенова отступила к китайской границе, а вместе с ней и две тысячи башкир-белогвардейцев. 20 ноября состоялся их переход в Манчжурию, где башкирские солдаты были тут же разоружены китайскими властями. Мухамед-Габдулхай Курбангалиев настаивал на том, чтобы белогвардейцы-башкиры отказались от продолжения вооруженной борьбы с Россией и остались в Манчжурии, – к этому он призывал башкир в своем обращении 20 ноября 1920 г., в день перехода ими российско-китайской

границы [38].

С начала отступления с Урала до перехода русско-китайской границы (июнь 1919 г. – ноябрь 1920 г.) Курбангалиев прошел более 4 тыс. км. На втором этапе геохроники Курбангалиева основным местом событий стала Чита, на нее приходится 36% из всех географических названий, упоминаемых в материалах следствия в связи с событиями в данный период (Рис. 4).

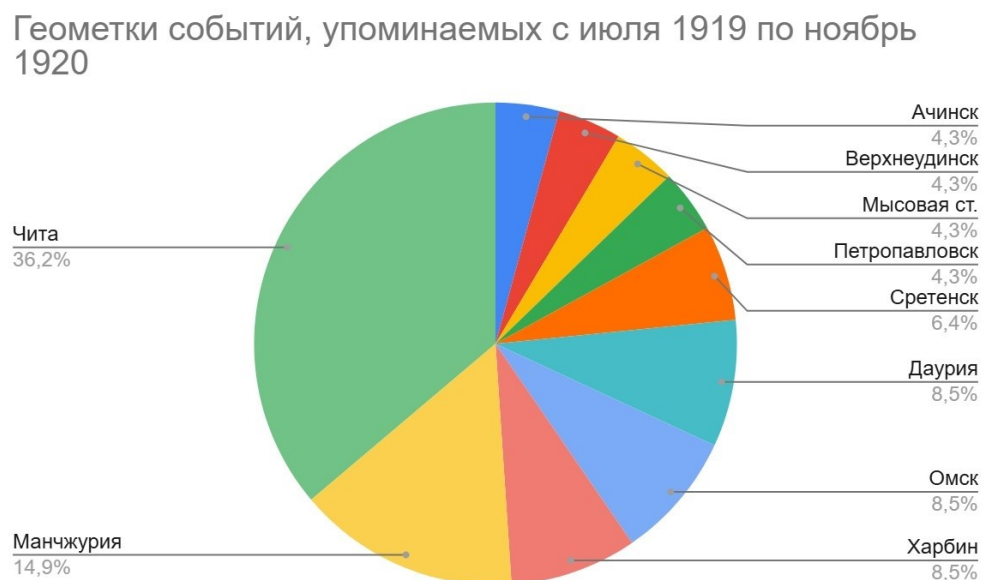

Рис. 4. Геометки событий с июля 1919 г. по ноябрь 1920 г., упоминаемых в следственном деле

Ключевые фигуры этого периода, упоминаемые в деле: Верховный правитель Александр Васильевич Колчак, генерал-лейтенант Владимир Оскарович Каппель, генерал-лейтенант атаман Григорий Михайлович Семёнов, капитан Мухамед-Харун Курбангалиев, поручик Галимьян Таган.

Третий этап геохроники. 1920–1945. В эмиграции. Осенью 1920 – зимой 1921 года Курбангалиев совершил несколько поездок в Харбин. В ноябре 1920 года он получив от японского консула в Харбине Мацushima рекомендательные письма для поездки в Токио, в том числе на имя директора Европейского департамента министерства иностранных дел в Японии Мацудайра. Курбангалиев вместе с полковником Бикмеевым отправился в Токио, чтобы «разрешить вопрос об устройстве на жительство и службу в Манчжурии около двух тысяч белогвардейцев башкир из остатков армий Каппеля и Семенова», – так он утверждал в своих показаниях после ареста в августе 1945 г. [39]. Приветствуя приезд в Токио башкир-белогвардейцев, японская газета «Асахи Симбун» писала: «Мусульмане, жаждущие воли и освобождения, станут во главе объединительного движения народов Азии» [40]. Сразу по приезде Курбангалиев и Бикмеев отправились в Генеральный штаб вооруженных сил Японии, где они отрекомендовались как представители башкир. Затем они побывали в Министерстве иностранных дел и были приняты директором его Европейского департамента Мацудайра. Кроме того, Курбангалиев и Бикмеев посетили посла царской России в Японии Крупинского, а тот познакомил башкир с видным общественным деятелем Японии, председателем японско-русской ассоциации Гото Симпэю. Гото представил башкир члену Гэнро Окуме Сигэноу [41]. Встреча с ними способствовала росту авторитета Курбангалиева в кругах японских

политиков и общественности. Во время бесед с Окумой и Гото была достигнута договоренность о вторичном приезде Курбангалиева в Японию, на этот раз в сопровождении делегации мусульманских офицеров.

В феврале 1921 года десять офицеров башкир и татар прибыли в Токио. Японцы были явно благосклонны по отношению к антисоветски настроенным белым офицерам-мусульманам. Интерес к ним был обусловлен также активной разведывательной деятельностью японского командования в районе Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД), шедшей от Мукдена в сторону полуострова Ляодун. В силу этого Курбангалиеву было предложено устроиться на работу в правление ЮМЖД «экспертом по магометанскому вопросу».

В 1922–1924, будучи советником ЮМЖД по магометанскому вопросу, Мухамед-Габдулхай выезжал в города по линии Южно-Маньчжурской железной дороги, устанавливал связи с китайскими мусульманами, проводит коллективные моления, беседы, знакомился с их положением (Рис. 5).

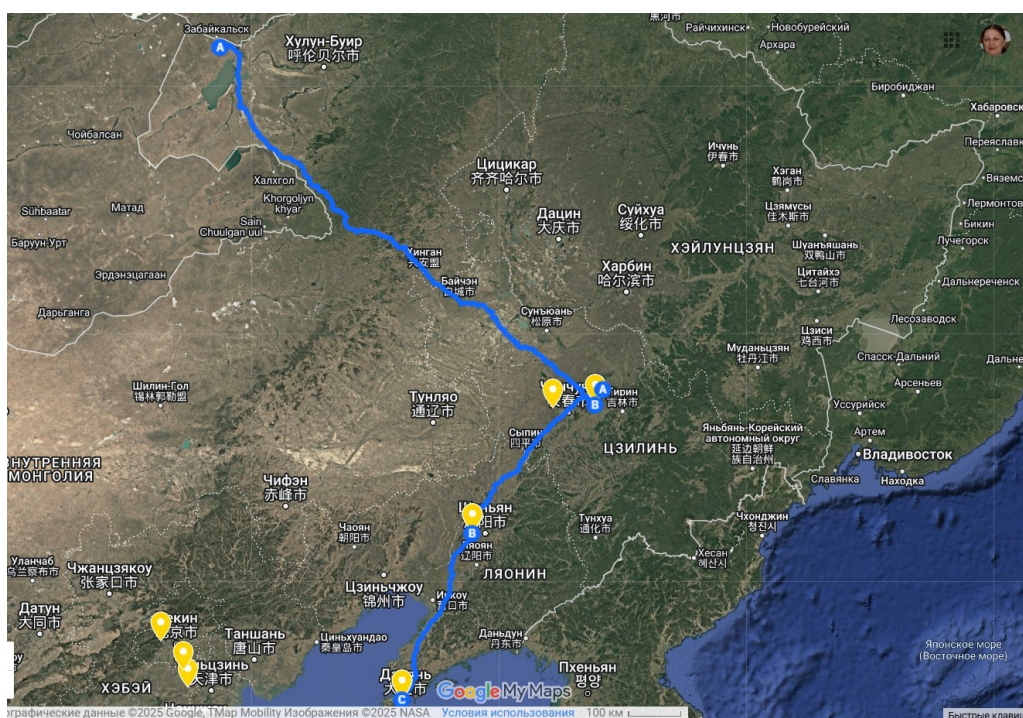

Рис. 5. Карта «На службе ЮМЖД». Чита - Харбин - Мукден

«Я побывал в городах Мукден, Тяньцзинь, Пекин, Ханькоу, Шанхай, Нанкин, – говорил он на следствии, – устанавливал там связь с видными магометанскими деятелями и обменивался с ними мнениями относительно проблем китайских мусульман. Изучал роль и степени влияния каждого из них в китайских мусульманских массах, их настроение и взгляды. Возвратившись из этой поездки, я представил японцам, в частности, лично Мацуоко Ёсуки доклад о результатах моего пребывания в Китае. Вскоре, освободившись от службы в правлении ЮМЖД, я выехал на постоянное жительство в город Токио» [\[42\]](#).

В Мукдене Курбангалиев подготовил несколько справок для руководства ЮМЖД: «О народах, говорящих на тюркских языках», «Об изучении восточных языков в России с приложением рекомендуемой литературы по диалектологии, лексикографии», «Предложение министру народного просвещения Японии об открытии тюркского отделения при Институте иностранных языков в Токио», «Письмо министру иностранных дел Японии» с просьбой о содействии введения тюркского языка в государственных школах, подчеркивая при этом необходимость «культурно-экономического сближения

тюркских народностей России с Японией» [\[43, с. 191\]](#).

В октябре 1924 г. Курбангалиев переезжает в Токио, где начинает работу по объединению проживающих в Японии мусульман, создает мусульманское религиозное общество, в которое вошли находившиеся в Токио эмигранты мусульмане – башкиры и татары. Посещает города Кобе и Нагоя, где также осели мусульмане – эмигранты из России. В 1928 г. в Токио состоялся съезд мусульман, проживавших в Японии, на котором они объединились в «Союз магометан, проживающих в Японии». Президентом этого союза был избран Мухамед-Габдулхай Курбангалиев. Десять следующих лет он был в Японии мусульманином номер один, а для многих японских, китайских и корейских последователей ислама – «Великим имамом Дальнего Востока». Будучи по роду, своему духу и воспитанию потомственным ишаном, Курбангали, как его называли, продолжал духовную, наставническую и просветительскую деятельность. На свои личные средства и средства союза магометан в Токио Курбангалиевым была открыта школа «Исламия» для обучения детей мусульман, типография для печатания учебников и Корана на арабском шрифте, а в 1937–1938 гг. построена мечеть. Курбангалиев стал редактором журнала Япон мухбири, издаваемого Союзом магометан.

Рост мусульманской общины, активное участие ее членов в обсуждении вопросов правового положения религий в Японии были в числе факторов, которые ускорили принятие «Закона о религиозных обществах», подписанного императором 7 апреля 1939 г. и объявленного на следующий день. Мусульмане от имени Токийского мусульманского общества настаивали на том, чтобы в новом законе ислам был указан как одна из трех мировых религий наряду с буддизмом и христианством, а не включен в понятие «другие религии и секты». В ходе обсуждения закона премьер-министр Хиранума Киитиро был вынужден объявить, что ислам в Японии получит равные с буддизмом и христианством права, однако слово «ислам» так и не было вписано в закон.

В 1930-е годы Курбангалиев был активно задействован японскими военно-политическими кругами в реализации «исламского фактора» в военной экспансии Японии в Северо-Восточном Китае, а также во влиянии на страны мусульманского Востока. Материалы допросов М.-Г.Курбангалиева, офицеров Квантунской армии и Генштаба Японии, арестованных военной контрразведкой в августе 1945 г. на территории Маньчжурии, при всей противоречивости показаний арестованных, не оставляют сомнений в том, что токийский имам Мухамед-Габдулхай Курбангалиев был использован в качестве агента японской разведки. Его организаторские способности, предприимчивость, умение сходитьсь с различными людьми при различных обстоятельствах привлекли внимание японских разведывательных органов, и Курбангалиев стал одним из проводников внешнеполитических устремлений японского Генштаба. Так, после японской оккупации Северо-Восточных провинций Китая и создания Маньчжоу-Го, в декабре 1932 г. не без поддержки японского военного командования им был проведен Всеманьчжурский съезд мусульман, состоявшийся в Чанчуне. На нем Курбангалиев встречался с главнокомандующим японскими войсками в Маньчжурии маршалом Муро [\[44\]](#).

17 октября 1937 г. состоялась Торжественная закладка фундамента мечети в присутствии прихожан мусульман – представителей 12 наций. Были представители японского правительства, послы, высокопоставленные лица. Курбангалиев заложил первый камень и произнес речь, затем выступили представители мусульманских стран. От имени японцев поздравили Огасавара Наганари, генерал Кавасима, представитель министерства народного просвещения. От китайцев – принц Пу И. В честь закладки

мечети был сервирован обед на 600 человек. За обедом произносилось много речей. «Вся процедура была сфотографирована. Многочисленная полиция охраняла порядок, смотрела за автомобилями и вообще. Торжество прошло с большим подъемом, несмотря на скверную, холодную погоду в этот день» [45].

В мае 1938 г. Курбангалиеву предстояло торжественно открыть построенную по его инициативе мечеть в Токио. Однако за несколько дней до ее открытия он был задержан японской полицией и после месячного ареста выслан в Дайрен (Далянь, Дальний). Мечеть открывал казый Абдурашит Ибрагим, который прослужил в ней имамом до 1943 г. Несмотря на изгнание из страны, японские мусульмане чтут Курбангалиева как духовного лидера и основателя мечети в Токио – на сайте токийской мечети (<https://tokyocamii.org/history/>) в списке имамов Мухамед-Габдулхай так и указан – Imams of Tokyo Camii: **Abdulhay Qurban Ali (Founder)**.

С июня 1938 по 26 августа 1945 г. Курбангалиев находился в Дайрене без определенных занятий, проживая в доме атамана Семенова со своими двумя дочерьми Наджией и Анисой. Жена и семилетний сын Мухамед-Асхад оставались в Токио. «Я арендовал дом, – говорил Курбангалиев на следствии, – принадлежавший атаману Семенову и поддерживал с ним на этой почве знакомство. Никаких политических целей моя встреча с атаманом Семеновым не преследовала. Наиболее близкие взаимоотношения я поддерживал с китайцами-магометанами: главным ахуном Манчжурии Чжан Цзован, главным ахуном города Пекина Ван, с которыми переписывался и пользовался у них авторитетом. Они меня называли великим имамом, а общество магометан в Дайрене в знак своего уважения ко мне установило мне памятник в Дайренской мечети» [46].

По словам Мухамед-Габдулхая Курбангалиева, за время его нахождения в Дайрене, куда его выслали без права возвращения в Токио, ему поступило несколько предложений от японцев. В 1938 г. в Какакаси приезжал секретарь премьер-министра Манчжоу-Го Оотес с предложением ехать в Южный Китай в город Кантон «для работы по отрыву начальника генштаба Чанкайши маршала Бай Чунси (Бай Чунси был заместителем начальника Генерального штаба вооруженных сил Китая – А.Ю.), мусульманина, от стана Чанкайши. Курбангалиев отказался покидать место изгнания – детям надо было учиться, обе дочери учились в американской школе в Дайрене, где продолжало функционировать американское генеральное консульство. В 1941 г. Курбангалиеву предложили подготовить для министерства иностранных дел Манчжоу-Го материалы справочного характера «для урегулирования мусульманских дел». И наконец в 1944 г. – это был шестой год пребывания ишана в Дайрене – японское военное командование предложило ему ехать на Филиппины в качестве муфтия. С началом оккупации Филиппин японцы столкнулось с сопротивлением народов моро. «Для урегулирования недоразумения с племенем моро» и было предложено ехать сюда Курбангалиеву. Эта несостоявшаяся поездка могла в корне изменить дальнейшую судьбу ишана, но это уже другая история.

Возвращение. 26 августа 1945 г. находившийся в Дайрене Курбангалиев был арестован советской военной контрразведкой и вывезен в Москву. Следствие по его делу шло 2 года. 11 мая 1946 года было вынесено Постановление о предъявлении обвинения Курбангали Мухамед Габдулхая: ... рассмотрев материалы следственного дела № 1741 и приняв во внимание, что Курбангали Мухамед Габдулхай достаточно изобличается в том, что в сентябре 1919 года присоединился к Белой армии генерала Каппеля, а затем атамана Семенова, где в качестве муллы принимал у солдат магометан присягу на верность белому командованию и в своих проповедях призывал к борьбе с

Советской властью. Кроме того, вербовал татар и башкир в национальные части Белой армии Семенова. В ноябре 1920 года бежал в Манчжурию, а позднее в Японию, где организовал магометанское религиозное общество и, как тюркотатарский националист, проводил антисоветскую деятельность. На основании изложенного, руководствуясь статьями 128, 129 УПК РСФСР, постановил: привлечь Курбангали Мухамеда Габдулхая в качестве обвиняемого по статье 58 п. 4 УК РСФСР, о чем объявить обвиняемому под расписку в настоящем постановлении. 16 мая 1947 года вынесен приговор: заключить в исправительный трудовой лагерь сроком на 10 лет. Считая срок с 26 августа 1945 года. 3 января 1948 года 10 лет ИТЛ заменены на 10 лет тюремного заключения.

До 26 августа 1955 г. Мухамед-Габдулхай Курбангалиев находился в тюрьме г. Владимира. Владимирская тюрьма входила в систему «особых лагерей и тюрем», организованную на основе постановления Совета Министров СССР № 416–159 от 21 февраля 1948 года «Об организации лагерей МВД со строгим режимом для содержания особо опасных государственных преступников» для содержания осуждённых к лишению свободы шпионов, диверсантов, террористов, троцкистов, меньшевиков, эсеров, анархистов, националистов, белоэмигрантов и участников других антисоветских организаций, а также для содержания лиц, представляющих опасность по своим антисоветским связям и вражеской деятельности. В служебных документах она значилась как «Владимирская тюрьма особого назначения МГБ СССР».

18 сентября 1956 года на прием к уполномоченному Совета по делам религиозных культов Совета министров СССР по БАССР М.Ш. Каримову пришел человек, представившийся бывшим имамом Токийской мечети [\[47\]](#). Он сообщил, что отбывал заключение во Владимирской тюрьме, в настоящее время живет в Челябинске. Ни уполномоченному Каримову, ни муфтию Хиялитдинову имя посетителя ничего не говорило. Как оказалось, после освобождения в августе 1955 г. Курбангалиев вернулся в Челябинск. Несколько раз пытался добиться возможности вылететь к семье в Японию. С его слов, премьер-министр Японии Итиро Хатояма, с которым он был лично знаком, готов был включить Курбангалиева в список возвращающихся военнопленных. Мухамед-Габдулхай приезжал в Уфу с целью обратиться за помощью к муфтию Шакиру Хиялетдинову. Не добившись возвращения в Токио к жене и сыну, Курбангалиев остался в Челябинске, где жил до конца своих дней. В 60-е годы среди мусульман Челябинска Мухамед-Габдулхай был известен как «Япон мулла» и пользовался большим уважением. Скончался 22 августа 1972 г., похоронен в Челябинске на мусульманском кладбище у Красной мечети, завершив свой жизненный путь у себя на родине. Реабилитирован 24 июня 1992 г.

Геохроника и расстояния. Картографирование передвижений М.-Г. Курбангалиева показывает, что осенью 1919 – зимой 1920 года он преодолел расстояние в более 4 тысяч км., двигаясь с обозом башкирского эскадрона Белой армии. Находясь с весны до конца ноября 1920 г. в Чите, он предпринял несколько поездок по Забайкалью, в том числе дважды ездил в Харбин на поезде в специальном вагоне, предоставленном атаманом Семеновым. Расстояние от Читы до Харбина по железной дороге составляет около 1200 км. Будучи в Мукдене, Курбангалиев выезжал по заданию дирекции ЮМЖД в города Китая – Пекин (около 700 км), Шанхай (1700 км), Нанкин (1600 км), Тяньцзин (700 км) и самый удаленный от Мукдена город Ханькоу, который сейчас находится в составе города Ухань (1800 км). Переехав в Токио, Курбангалиев продолжал выезжать по делам мусульманской общины и в интересах японского военного командования в Корею, Маньчжурию. В 1938 г. он был вывезен в Дайрен (ныне Далян) за 1600 км от Токио, а в августе 1945 г. этапирован из Дайрена в Москву (6300 км по воздуху, 8500 км

по земле). При самом поверхностном взгляде можно увидеть, что маршруты Курбангалиева насчитывают не менее 20 тыс. км. (Рис. 6).

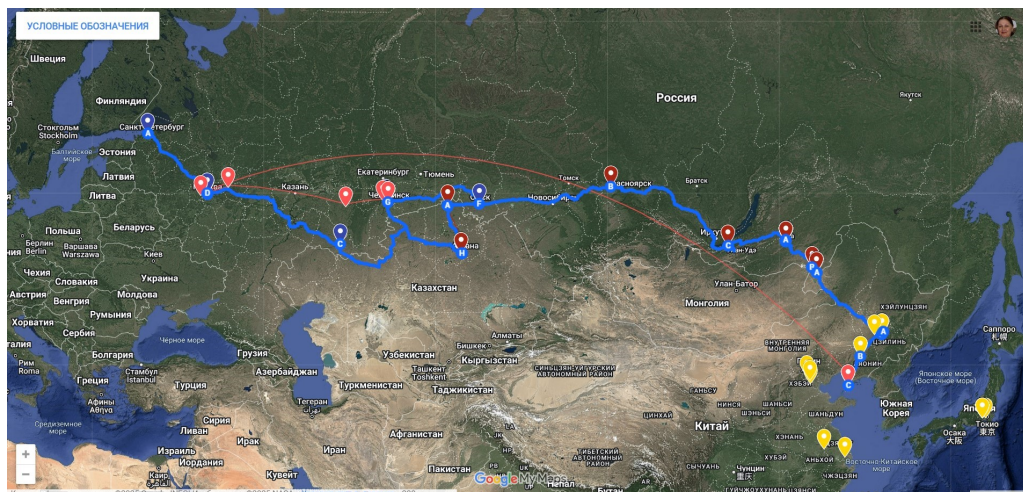

Рис. 6. Карта передвижений М.-Г.Курбангалиева в 1917-1956 гг.

Геометки и частотность упоминания в следственном деле. Всего в трех томах следственного дела Курбангалиева насчитывается 204 уникальных географических названия, не считая названий рек, озер, морей. Частотность их упоминаний разная, от 1 до 530. На схеме (Рис. 7) и гистограмме (Рис. 8) показаны результаты статистической обработки географических названий, упоминающихся в деле.

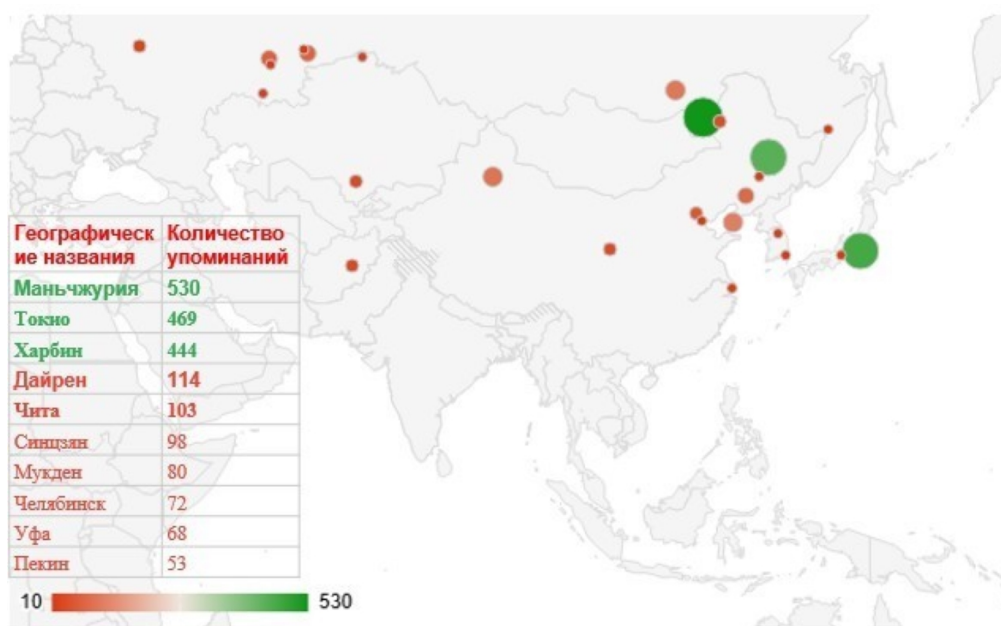

Рис. 7. Количество упоминаний геолокаций в следственном деле

Частотность упоминаний географических названий

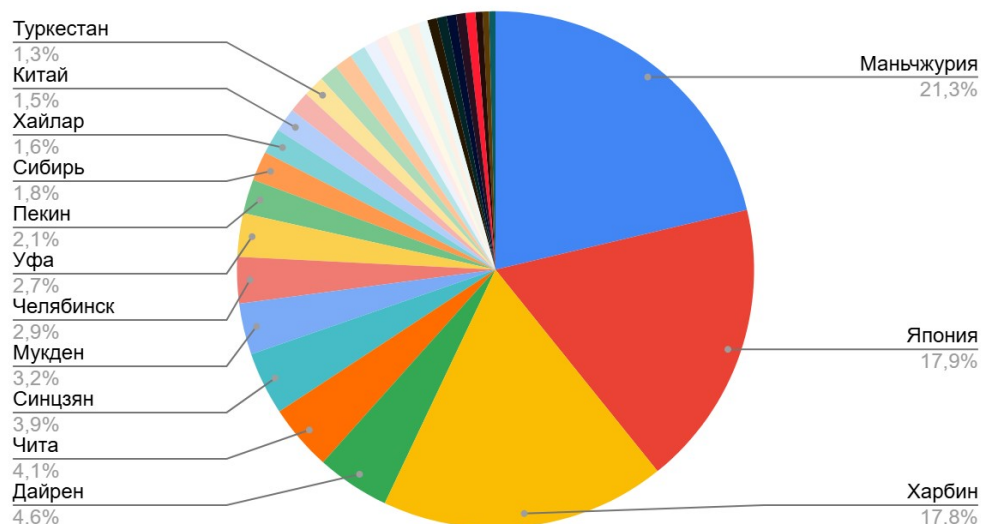

Рис. 8. Частотность упоминаний геолокаций в следственном деле

Периоды активных перемещений приходятся на годы гражданской войны, 1923–1934 гг., они связаны с участием в военных действиях в Сибири, эмиграцией в Маньчжурии и Японии, с деятельностью в интересах японских военно-политических кругов. Ключевыми центрами активности Курбангалиева являются Челябинск, Уфа, Чита, Маньчжурия, Харбин, Дайрен, Токио – к этим меткам привязано наибольшее количество упоминаемых в источниках событий и имен.

Участники событий. В исследуемых архивных материалах выявлено 507 персоналий, с которыми напрямую или опосредованно контактировал Курбангалиев в 1917–1956 гг. Участниками описываемых событий были муфтий Сафа Баязитов, адмирал Колчак, генерал Каппель, генерал Войцеховский, генерал Семенов, японский консул в Харбине Мацушима, управляющий ЮМЖД Мацуока, венгерский ученый Бенедек Баратоши. Анализ контактов Курбангалиева в Токио (1924–1938) выявил ядро сети: имамы, лидеры эмигрантских сообществ на Дальнем Востоке, офицеры Генштаба, представители правящих кругов Японии и Османской династии. Связующими посредниками между русской и японской группами были Мацуока, Окума, Гото. Ключевыми персонами по частотности упоминания в следственном деле являются генерал Семенов, идеолог движения «Идель-Урал» Гаяз Исхаки, член этого движения Ибрагим Давлеткильди, имам Абдурашид Ибрагимов, поручик Галимьян Таган (Рис. 9.).

Частотность упоминаний участников событий

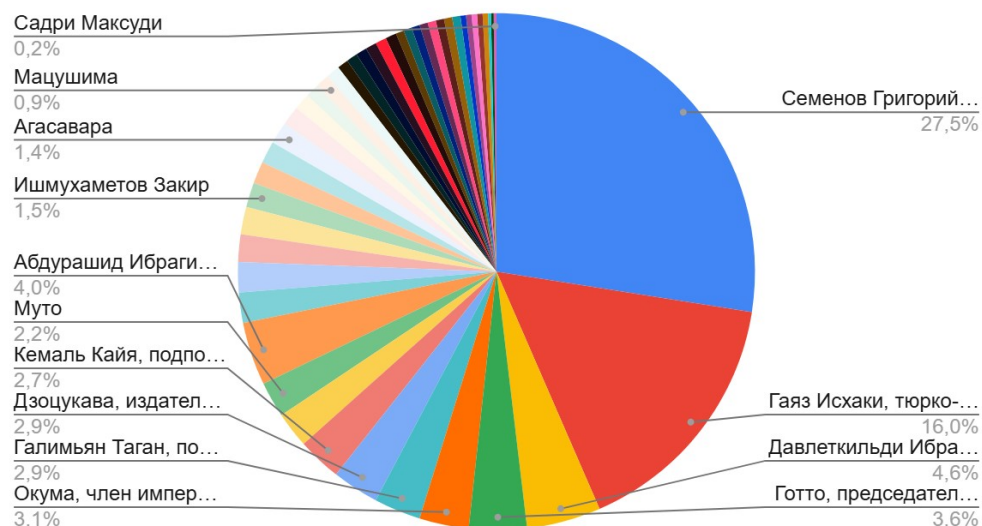

Рис. 9. Частотность упоминания участников событий в следственном деле

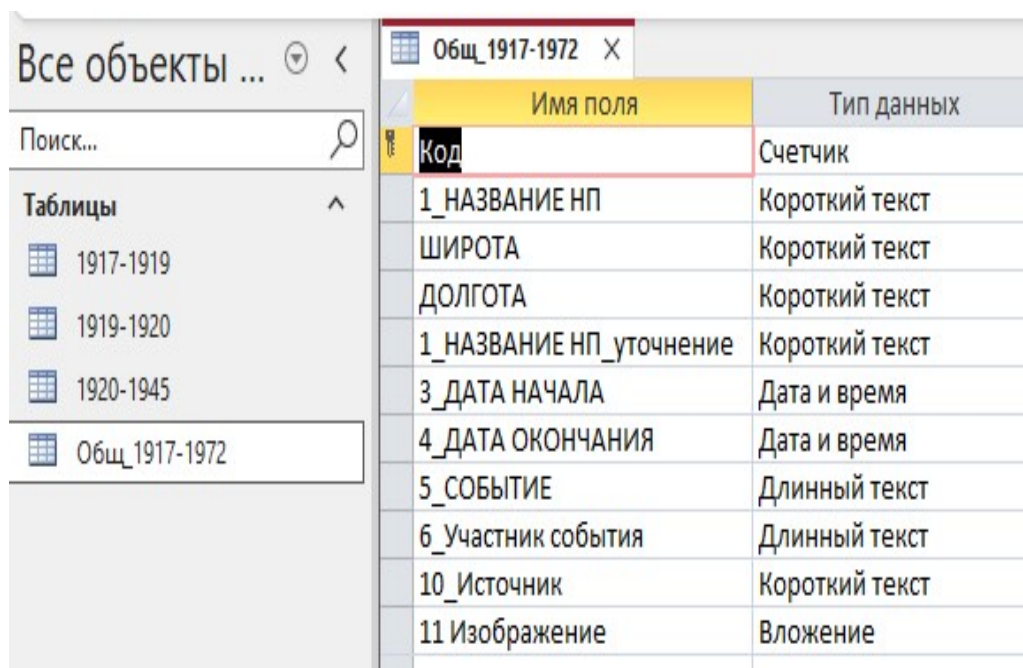
Заключение. Проведенное исследование с применением методов исторической информатики и геопространственного анализа позволило реконструировать жизненный путь Мухамед-Габдулхая Курбангалиева в контексте ключевых исторических событий первой половины XX века. Основные результаты работы могут быть сформулированы следующим образом:

- составлена хроника событий жизни Курбангалиева;
- установлены маршруты перемещений Курбангалиева с 1917 по 1956 гг., охватившие территорию от Санкт-Петербурга до Токио (более 20 тыс. км);
- выделены ключевые географические центры его активности: Челябинск, Чита, Харбин, Токио, Дайрен, где фиксируется наибольшая концентрация событий и контактов;
- показана взаимосвязь между этапами его жизни (участие в Белом движении, эмиграция, религиозная и политическая деятельность) и историческим контекстом – Гражданской войной, японской экспансией в Азии, Второй мировой войной.

Исследование раскрывает на примере Курбангалиева малоизученные аспекты участия мусульманских деятелей в Белом движении и их роли в последующей интеграции российских эмигрантов в общества Дальнего Востока. Показано, что его деятельность в Японии (создание мечети, издание журнала, связи с японскими политиками) способствовала институционализации ислама в регионе, при этом религиозная идентичность Курбангалиева не стала препятствием для его вовлеченности в геополитические проекты Японии. Гибридность как подход позволяет увидеть, что Курбангалиева реализовал традиционное мусульманское воспитание и образование в условиях инокультурной среды, в которой он продолжал оставаться мусульмаником и башкиром, но также активно действовал в интересах Японии; увидеть, как Курбангалиев использовал свой религиозный авторитет для политического влияния Японии среди мусульман Маньчжурии, например при подготовке и проведении Всеманьчжурского съезда мусульман 1932 г. Методология Конрада высветила цепочку смены идентичностей Курбангалиева. Переход статуса Курбангалиева от «башкирского сельского имама» к «Великому имаму Дальнего Востока», от «лидера башкирского национального движения» к «транслятору японской паназиатской геополитики», от «агента японского влияния» к

«политическому заключенному» в СССР требует рассматривать его через призму «множественных идентичностей».

К числу методологических результатов относится создание многослойной базы данных, сочетающей пространственные и атрибутивные характеристики, включая 204 локаций, 507 персоналий (Рис. 10).

Имя поля	Тип данных
Код	Счетчик
1_НАЗВАНИЕ НП	Короткий текст
ШИРОТА	Короткий текст
ДОЛГОТА	Короткий текст
1_НАЗВАНИЕ НП_уточнение	Короткий текст
3_ДАТА НАЧАЛА	Дата и время
4_ДАТА ОКОНЧАНИЯ	Дата и время
5_СОБЫТИЕ	Длинный текст
6_Участник события	Длинный текст
10_Источник	Короткий текст
11_Изображение	Вложение

Рис. 10. Фрагменты базы данных «От Урала до Фудзи» в Access

Апробирована методика геохронологического трекинга через доступные сервисы Google Мар и Google Earth pro для изучения биографий исторических личностей, реконструкции маршрутов и сетей взаимодействий. База данных открывает возможности для последующего сетевого анализа контактов Курбангалиева с представителями Белого движения, японскими политиками и мусульманскими лидерами. Таким образом, сочетание традиционных исторических методов с цифровыми инструментами наряду с методологией трансграничных биографий и множественности идентичностей позволило не только восстановить биографию Курбангалиева, но и вписать ее в более широкий контекст транснациональных процессов XX века. Работа подтверждает значимость междисциплинарного подхода для изучения сложных исторических фигур, чья деятельность пересекала границы государств и культур. Перспективы работы связаны с расширением базы данных за счет японских и китайских архивов, а также с применением сетевого анализа для изучения сообщества российских эмигрантов в Азии. Материалы исследования могут быть использованы в сравнительных работах по истории эмиграции и адаптации российских мусульман в Азии.

Библиография

1. Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. Уфа: ГУП УПК, 1999. С. 75-81.
2. Юнусова А.Б. "Великий имам Дальнего Востока" Мухаммед-Габдулхай Курбангалиев // Вестник Евразии. 2001. № 4. С. 83-116. EDN: НУУWХJ.
3. Юнусова А.Б. Японская военная разведка и мусульманская эмиграция на Дальнем Востоке накануне и в годы Второй Мировой войны // Археография Южного Урала. Уфа, 2005. С. 170-177. EDN: SICKJR.
4. Юнусова А.Б. Ислам и общность урало-алтайских народов во взглядах Мухаммед-Габдулхая Курбангалиева // Проблемы Востоковедения. 2009. № 1 (43). С. 62-68. EDN:

RLOJJJ.

5. Conrad S. Globalisation and the Nation in Imperial Germany. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
6. Конрад С. Что такое глобальная история? Науч. ред. и предисловие А. Семенова. Перевод с английского А. Степанова. М.: Новое литературное обозрение, 2018.
7. Япон мухбири. 1934. № 14.
8. Центральный архив ФСБ. Н-18906.
9. Нам И.В. Культурно-национальная автономия в истории России. Документальная антология. Том I. Сибирь. 1917-1920. Томск, 1998. EDN: RYDNHZ.
10. Национально-государственное устройство Башкортостана (1917-1925 гг.): Док. и материалы в 4-х т. / Автор-составитель Б.Х. Юлдашбаев. Уфа: Китап, 2002-2008.
11. Ислам и мусульмане Южного Урала в историко-правовом пространстве России. Сборник законодательных актов, постановлений и распоряжений центральных и региональных органов власти и управления XX-XXI вв. / Автор-составитель А.Б. Юнусова. Археограф Ю.М. Абсалямов. Уфа: ГУП РБ УПК, 2009. 384 с.
12. Бородкин Л.И. Историческая информатика сегодня: «неоднозначное понимание»? (современные дискуссии) // Историческая информатика. 2021. № 4. С. 33-49. DOI: 10.7256/2585-7797.2021.4.37601 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37601
13. Гарскова И.М. Базы и банки данных в исторических исследованиях. Гёттинген: Konrad Pachtincke Max-Planck-Institut für Geschichte, 1994. EDN: RZYSNR.
14. Ивакин Я.А., Потапычев С.Н. Геохронологический трекинг - специализированный ГИС-инструментарий исторического исследования // Историческая информатика. 2016. № 1-2. С. 3-11. EDN: WNDFQZ.
15. Ивакин Я.А., Смирнова О.В., Потапычев С.Н. Применение ГИС-инструментария геохронологического трекинга для сетевого анализа биографических данных // Информация и космос. 2017. № 1. С. 132-138. EDN: YHWRLN.
16. Ивакин Я.А., Смирнова О.В., Потапычев С.Н. Применение ГИС-инструментария геохронологического трекинга для сетевого анализа биографических данных // Информация и космос. 2017. № 1. С. 132. EDN: YHWRLN.
17. Захаров А.В., Фролов А.А. ГИС «Пространственная мобильность шляхетства в эпоху Петра I» в просопографическом исследовании // Историческая информатика. 2020. № 4. С. 206-218. DOI: 10.7256/2585-7797.2020.4.34206 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34206
18. Ивлиева Н.Г., Манухов В.Ф. О картографировании маршрутов путешествий П.С. Палласа и И.И. Лепёхина по Среднему Поволжью // Геодезия и картография. 2016. № 4. С. 53-59. EDN: WAJQBL.
19. Голомолзин В.В., Иванов Н.А., Катионов О.Н., Палишева Н.В. Геоинформационные системы как метод биографических исследований (на примере изучения путешествий Л.Н. Толстого) // Русский травелог XVII-XX веков. Новосибирск: НГПУ, 2015. С. 621-628.
20. Николаева О.Н., Валишин А.Б. Исторические карты-персоналии как средство популяризации исторических знаний // Регулирование земельно-имущественных отношений в России: правовое и геопропространственное обеспечение, оценка недвижимости, экология, технологические решения. Новосибирск: СГУГиТ, 2024. С. 16-23. EDN: JWALKU.
21. Центральный архив ФСБ. Н-18906. Том I. Протокол допроса Курбангали Мухамед-Габдулхая от 17 сентября 1945 г.
22. Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. Р-322. Оп. 2. Д. 524.
23. Центральный архив ФСБ. Н-18906. Том III. Заключение по делу № 490 от 4 сентября 1956 г.

24. Центральный архив ФСБ. Н-18906. Том III. Протокол допроса Ахмедши Гизатуллина от 13 мая 1946 г.
25. Центральный архив ФСБ. Н-18906. Том I. Протокол допроса Курбангали Мухамед-Габдулхая от 3 мая 1946 г.
26. Таган Г. Башкиры в Забайкалье // Ватандаш. 1997. № 8. С. 113-129; № 9. 1997. С. 147-156; № 10. 1997. С. 155-168.
27. Таган Г. Башкиры в Забайкалье // Ватандаш. 1997. № 8. С. 118.
28. Семенов Г.М. О себе (Воспоминания, мысли и выводы). М., 1999. С. 142.
29. Баринов И.А. Синтез религии и политики в исламе на примере участия мусульман Забайкалья в революции и гражданской войне (1917-1922 гг.) // Вестник Забайкальского государственного университета. 2012. № 8. С. 75-82. EDN: PESXFJ.
30. Центральный архив ФСБ. Н-18906. Том I. Протокол допроса Курбангали Мухамед-Габдулхая от 3 мая 1946 г.
31. Центральный архив ФСБ. Н-18906. Том I. Протокол допроса Курбангали Мухамед-Габдулхая от 28 мая 1946 г.
32. Центральный архив ФСБ. Н-18906. Том I. Протокол допроса Курбангали Мухамед-Габдулхая от 13 мая 1946 г.
33. Центральный архив ФСБ. Н-18906. Том I. Протокол допроса Курбангали Мухамед-Габдулхая от 08 мая 1946 г.
34. Национально-государственное устройство Башкортостана (1917-1925 гг.): Док. и материалы в 4-х т. / Автор-составитель Б.Х. Юлдашбаев. Уфа: Китап, 2003. Т. 2. Ч. 2. С. 124-126.
35. Баринов И.А. Синтез религии и политики в исламе на примере участия мусульман Забайкалья в революции и гражданской войне (1917-1922 гг.) // Вестник Забайкальского государственного университета. 2012. № 8. С. 79. EDN: PESXFJ.
36. Национально-государственное устройство Башкортостана (1917-1925 гг.): Док. и материалы в 4-х т. / Автор-составитель Б.Х. Юлдашбаев. Уфа: Китап, 2003. Т. 2. Ч. 2. С. 127.
37. Центральный архив ФСБ. Н-18906. Том I. Протокол допроса Курбангали Мухамед-Габдулхая от 8 мая 1946 г.
38. Национально-государственное устройство Башкортостана (1917-1925 гг.). Т. 2. Ч. 2. С. 137-138.
39. Центральный архив ФСБ. Н-18906. Том I. Протокол допроса Курбангали Мухамед-Габдулхая от 17 сентября 1945 г.
40. Нисияма Кацунори. Мусульмане в Японии // Ватандаш. 1999. № 10. С. 188-194.
41. Юнусова А.Б. "Великий имам Дальнего Востока" Мухаммед-Габдулхай Курбангалиев // Вестник Евразии. 2001. № 4. С. 83-116. EDN: НУУWXJ.
42. Центральный архив ФСБ. Н-18906. Том I. Протокол допроса Курбангали Мухамед-Габдулхая от 28 мая 1946 г.
43. Нисияма Кацунори. Мусульмане в Японии // Ватандаш. 1999. № 10. С. 191.
44. Центральный архив ФСБ. Н-18906. Том I. Протокол допроса Курбангали Мухамед-Габдулхая от 21 июня 1946 г.
45. Центральный архив ФСБ. Н-18906. Том III. Стенограмма показаний Курбангали Мухамед-Габдулхая от 24 марта 1947 г.
46. Центральный архив ФСБ. Н-18906. Том I. Протокол допроса Курбангали Мухамед-Габдулхая от 17 сентября 1945 г.
47. Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. 4732. Оп. 1. Д. 14. Л. 28-30. ""

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена исследованию жизни и деятельности Мухамед-Габдулхая Курбангалиева, известной личности первой половины XX века, сыгравшей значительную роль в башкирском национальном движении, белом движении, а также в развитии мусульманской общины в Японии. Особое внимание уделено его геополитическим взглядам, связанным с идеей объединения мусульманских народов Урала, Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока под протекторатом Японии. Также рассматривается влияние Курбангалиева на развитие ислама в регионе и его взаимодействие с различными политическими силами того времени.

Методологическая основа статьи представляет собой синтез традиционной исторической науки и современных цифровых инструментов, таких как геоинформационные технологии и методы исторической информатики. Важным аспектом является использование архивных источников, включая следственные дела и протоколы допросов, что позволяет детально проследить перемещения и контакты Курбангалиева. Картографирование маршрутов и создание интерактивной карты также играют важную роль в реконструкции его биографии.

Актуальность данной работы обусловлена недостаточной изученностью темы мусульманской эмиграции на Дальнем Востоке и роли отдельных её представителей, таких как Курбангалиев, в геополитических процессах региона. Исследование помогает понять сложные процессы взаимодействия культур, религий и политических интересов в рамках глобального контекста первой половины XX века.

Научная новизна заключается в применении комплексного подхода, позволяющего более точно реконструировать биографию Курбангалиева на основе уникальных данных из архивов, которые ранее не использовались в научных исследованиях.

Стиль статьи академичен и соответствует стандартам научного жанра. Текст хорошо структурирован, логично выстроен и легко читается. Библиография статьи обширна и разнообразна, включает как отечественные, так и зарубежные источники. При этом, авторы статьи делают попытку объективно рассмотреть различные точки зрения на деятельность Курбангалиева, включая критику его идей и проектов.

Использование современных цифровых инструментов и традиционных исторических методов делает исследование многогранным. Привлечение ранее недоступных архивных материалов значительно обогащает понимание событий и роли Курбангалиева. Создание интерактивной карты маршрутов Курбангалиева позволяет наглядно представить его географическую активность и влияние, хотя некоторые аспекты биографии Курбангалиева требуют более глубокого анализа.

Основной вывод статьи о важности комплексных исследований, учитывающих цифровизацию и геопроостранственный анализ, представляется убедительным и научно обоснованным. Статья богата иллюстрирована картами. Однако требуется дополнительное обоснование выводов о роли Курбангалиева в геополитических процессах региона.

Статья, вероятно, вызовет интерес у специалистов в области истории, исламоведения, географии и цифровой гуманитаристики. Широкая аудитория читателей может заинтересоваться биографией Курбангалиева и его вкладом в развитие мусульманской общины в Японии.

Статья «От Урала до Фудзи: геохроника странствий ишана Курбангали» заслуживает публикации в журнале «Историческая информатика», представляет значительный научный интерес и способствует современным тенденциям развития междисциплинарных исследований в области истории и информатики.

